

Кузнецкие дни Федора Достоевского

Людям молодым это имя вряд ли скажет что. А те, кто постарше, кто интересуется литературой, его хорошо помнят. Леонид Григорьевич Сербин. Человек нелегкой и непростой судьбы, поэт, журналист, он был патриотом своего города, сибиряком. Все то, что было связано с Новокузнецком, живо интересовало его. И, конечно, он не мог пройти мимо такой фигуры, как великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, и известного периода его жизни в Кузнецке. Задолго до нынешних исследований этого периода Сербин скрупулезно изучал скучный архивный материал, бывал в Москве и там искал ниточки, связывающие писателя с Кузнецком, встречался с учеными, литераторами.

Около тридцати дней в общей компании пробыл Федор Михайлович Достоевский в Кузнецке. Глухой, затерявшийся в таинских просторах Южной Сибири уездный городишко Томской губернии стало местом первой женитьбы писателя. Шестого февраля 1857 года в Кузнецкой церкви Одигитриевской боянской матери состоялось венчание писателя и Марии Дмитриевны Исаевой. Незадолго до смерти, уже будучи известным писателем, в разговоре с молодой девушкой, корректором типографии, вспомнивая Марию Дмитриевну, он скажет: «Была эта женщина душой самой возмущенной и восторженной. Егорела в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу».

В одном из таких веселых и довольных собою городков с самым милейшим населением, воспоминание о котором останется неизгладимым в моем сердце, встретил я Александра Петровича Г., посыпца, смиренно и неслышно доживающего свой век в городке К...

Эти первые строки «Записок из мертвого дома» появились потом спустя несколько месяцев после посещения Кузнецка.

СРАЗУ за Томью дорога круто пошла вверх, и лошадь, уставшая за столь долгий путь, вынесла кошовку на крепостную гору. Внизу в закатном мареве лежал Кузнецк.

Заливные потемневшей зеленью палисады, пристань, аккуратные ряды домишек, золотые купола собора и чуть в отдалении церквей. Вот он, городок, название которого я повторяю почти два года, подумал писатель и улыбнулся.

Это был июнь 1856 года, когда, будучи по делам службы в Барнауле, Федор Михайлович самовольно заворач

Важно отметить, что Леонид Сербин имел свою версию того, что побудило Ф. М. Достоевского к женитьбе, какова была расстановка сил в этой жизненной драме, столь похожей на произведения великого писателя. И эта версия во многом расходилась с выводами серьезных ученых. Возможно, со временем Леонид Сербин издал бы интересную книгу о Ф. М. Достоевском, издал бы свои стихи, юношески угловатые и чистые. Но ранняя смерть не дала...

Сегодня мы представляем вниманию читателей лишь небольшую часть того, что написано Л. Г. Сербиным.

Н. НИКОЛАЕВСКИЙ,
поэт.

все его муки неожиданно выплеснулись в эти резкие, злые слова: «Пожилой, с большим жалованьем?».

«Ничего подобного. Он очень беден, — ответила Мария Дмитриевна, — и может вас».

«Ну, так что же ты, что?» — почти выкрикнул он. А через минуту вздохнул с облегчением, напряжение, охватившее его при упоминании имени своего соперника, поклонника Исаевой, начало ослабевать.

И тут случилось то, чего менее всего он мог ожидать. Опустившись на стул рядом и обхватив голову руками, Мария Дмитриевна зашептала:

— Прости, прости, я так виновата.

— Что, что? — повторил Федор Михайлович, пугаясь.

— Я люблю его.

— Что?

— Да, да. Я люблю его.

Вернувшись в Семипалатинск, в письме к своему приятелю барону А. Е. Врангелю Достоевский напишет: «Она плакала, целовала мои руки, но она любит

лет ее жизни в Сибири, ищащая счастья, самовольная, сильная, готова выйти замуж теперь за юношу двадцати четырех лет, сибиряка, ничего не видевшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, (человека) без значения, без доли на свете, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) девятьсот рублей ассигнациями жалования.

Скажите, Александр Егорович, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнородертым, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями?

И не (попрекнет) ли он ее впоследствии через несколько лет — не позовет ли (к) смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренной к Кузнецку! Кто знает, до чего может дойти распри, которую я неминуемо предвижу в будущности. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, что она рассчитывала на его молодость, что

Февраль 1854 года

«КАНДАЛЫ упали. Я поднял их... мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас были на моих ногах.

— Ну, с Богом! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми голосами.

— Да, с Богом! Свобода, новая жизнь, воскрешение из мертвых. Экая短短кая минута!».

Позади остались стены Омского каторжного острога. Четыре страшных года провел там Федор Михайлович Достоевский, и они, эти трудные годы, еще не раз будут возвращаться к нему кошмарными снами и видениями.

«Что за ужасное было время. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела, как камень, у меня на душе. Во все четыре года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге».

За что же Федор Михайлович отбыл каторгу? Каков такое тяжкое преступление совершил он, чтобы денно и нощно четыре с лишним года ощущать тяжесть кандалов?

Вот несколько документов, относящихся к тому трагическому 1849 году.

Секретное предписание III отделения об аресте Ф. М. Достоевского.

СЕКРЕТНО

III отделение собственной его императорского величия канцелярии 1 экспедиции Санкт-Петербург

22 апреля 1849 г.

№ 675

Господину майору Санктпетербургского жандармского дивизиона Чудинову.

По высочайшему повелению предписываю вашему высокоблагородию, завтра в 4 часа полуключи, арестовать отставного инженер-поручика и литератора Ф. М. Достоевского, живущего на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта в доме Шиле, в 3-м

дит в себе силы и волю думать о будущем и писать.

Только спустя четыре месяца после ареста узникам разрешили переписку с родными и письменные занятия. Именно здесь, в одиночной камере Алексеевского равелина, он обдумывает и пишет рассказ «Маленький герой».

22 декабря, ровно через 8 месяцев после ареста, ранним утром их привезли на Семеновский плац.

ПРИГОВОР [ВОЕННО-СУДЕБНОЙ
КОМИССИИ]

Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяца сего года из Москвы от дворянки Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в сорбраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского, и, наконец, передал его для списания копий подсудимому Момбелли.

Достоевский был у подсудимого Петрашевским во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить на основании Свода военных постановлений чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелю».

ОНИ увидели черный эшафот на белепитомлено белой снежной поляне, прямоугольник пеших и конных войск. Вот отдает последние распоряжения главный распорядитель казни генерал-адъютант Сумароков.

Звучит команда «строить в шеренгу».

Осужденные вытягиваются в цепочку и к ним направляется священник. Затем во главе процессии петрашевцев он идет к месту казни. По обледеневшим ступенькам лестницы они поднимаются на эшафот. Солдаты берут ружье на «каратель».

Аудитор зачитывает приговор, последняя проповедь священника. На осуж-

постарше, кто интересуется литературой, Леонид Григорьевич Сербин. Человек нелегкой и непростой судьбы, поэт, журналист, он был патриотом своего города, сибириком. Все то, что было связано с Новокузнецком, живо интересовало его. И, конечно, он не мог пройти мимо такой фигуры, как великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, и известного периода его жизни в Кузнецке. Задолго до нынешних исследований этого периода Сербин скрупулезно изучал скучный архивный материал, бывал в Москве и там искал ниточки, связывающие писателя с Кузнецком, встречался с учеными, литераторами.

Около тридцати дней в общей сложности пробыл Федор Михайлович Достоевский в Кузнецке. Глухой, затерявшийся в таежных просторах Южной Сибири уездный городишко Томской губернии стал местом первой женитьбы писателя. Шестого февраля 1857 года в Кузнецкой церкви Одигитриевской бояней матери состоялось венчание писателя и Марии Дмитриевны Исаевой. Незадолго до смерти, уже будучи известным писателем, в разговоре с молодой девушкой, корректором типографии, вспоминая Марью Дмитриевну, он скажет: «Была эта женщина душой самой взышенной и восторженной. Сгорела в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу».

Июль 1856 года

«В ОТДАЛЕННЫХ краях Сибири среди стелей, гор и непроходимых лесов попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями — одной в городе, другой на кладбище, — города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город.

Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, заседателями и всем остальным субалтерным чином. Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло.

Люди живут простые, не либеральные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники — по справедливости играющие роль сибирского дворянства, — или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжающие из России, большую частью из столиц, прельщеные выдаваемым не в зетач окладам жалованiem, двойными прогонами и соблазнительными надеждами в будущем. Из них умевшие разрешать загадку в жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды. Но другие, народ легкомысленный и не умеющий разрешать загадку жизни, скоро наскучит Сибирью и с тоской себя спрашивает: «Зачем они в нее заехали?»

С нетерпением отбывают они свой законный термин службы, три года, а по истечении его тотчас же хлопочут о своем переводе, возвращаются вовсю, браня Сибирь и подсмеиваются над нею. Они не правы не только со служебной, но даже со многих точек зрения. В Сибири можно блаженствовать. Климат превосходный: есть много замечательных богатых и хлебосольных купцов — много чрезвычайно достаточных инородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности. Урожай бывает в иных местах сам — пятнадцать. Вообще земля благословенная, надо только уметь ею пользоваться. В Сибири умеют ею пользоваться.

«Кто это они?» — переспросил Федор Михайлович.

«Паша и Николай Борисович», — ответила Исаева, и, видя его удивление, добавила: «Это тот самый Николай Борисович, о котором я вам писала!» — и она опустила голову, замолчала.

«Должно быть, человек он состоятельный», — начал Достоевский жалко,

расстановка сил в этой жизненной драме, столь похожей на произведения великого писателя. И эта версия во многом расходилась с выводами серьезных ученых. Возможно, со временем Леонид Сербин издал бы интересную книгу о Ф. М. Достоевском, издал бы свои стихи, юношески угловатые и чистые. Но ранняя смерть не дала...

Сегодня мы представляем вниманию читателей лишь небольшую часть того, что написано Л. Г. Сербиным.

Н. НИКОЛАЕВСКИЙ,
поэт.

все его муки неожиданно выплынулись в эти резкие, злые слова: «Пожилой, с большим жалованьем?».

«Ничего подобного. Он очень беден, — ответила Мария Дмитриевна, — и может вас».

«Ну, так что же ты, что?» — почти выкрикнул он. А через минуту вздохнул с облегчением, напряжение, охватившее его при упоминании имени своего соперника, поклонника Исаевой, начало ослабевать.

И тут случилось то, чего менее всего он мог ожидать. Опустившись на стул рядом и обхватив голову руками, Мария Дмитриевна зашептала:

— Прости, прости, я так виновата.

— Что, что? — повторил Федор Михайлович.

— Я люблю его.

— Что?

— Да, да. Я люблю его.

Вернувшись в Семипалатинск, в письме к своему приятелю барону А. Е. Врангелю Достоевский напишет: «Она плакала, целовала мои руки, но она любит

лет ее жизни в Сибири, ищащая счастья, самовольная, сильная, готова выйти замуж теперь за юношу двадцати четырех лет, сибиряка, ничего не видевшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинаящего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, (человека) без значения, без доли на свете, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) девяносто рублей ассигнациями жалования.

Скажите, Александр Егорович, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерным, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями?

И не (попрекнет) ли он ее впоследствии через несколько лет — не позовет ли (к) смерти? Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренной к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распри, которую я неминуемо предвижу в будущности. Что, если он оскорбит ее подъем упреком, что она рассчитывала на его молодость, что

другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет — не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все решено, ты и я, и более никто!». Это слово ее положительно. Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мучение нестерпимое! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие все же виноваты!

Федор Михайлович нервно прошелся по небольшой комнате. Потрогал массивный шкаф, стоявший против небольших окошек, установленных горшками с цветами. Стол, буфет, угол ширма из розового полотна. Там, наверное, Пашин угол, подумал он и заглянул за ширму. В углу стояла кровать, а мальчика не было.

«Где же Паша?» — спросил он вернувшуюся Исаеву.

«Он скоро вернется. Он на Томь пошли».

«Кто это они?» — переспросил Федор Михайлович.

«Паша и Николай Борисович», — ответила Исаева, и, видя его удивление, добавила: «Это тот самый Николай Борисович, о котором я вам писала!» — и она опустила голову, замолчала.

«Должно быть, человек он состоятельный», — начал Достоевский жалко,

она хотела сладострастно заесть (его) век. И ей, чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать!

...Разрывается мое сердце!

А несколько раньше в письме к тому же адресату от двадцать третьего марта 1856 года есть такие строки: «О, не дай господи никому этого страшного грозного чувства. Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить».

Что же это за экстремальные обстоятельства, из-за которых великий писатель, вчерашний каторжник, еще не забывший тяжести кандалов, вновь готов идти под суд, только бы видеть ее. И кто она, эта женщина, «которая плакала, целовала его руки», которая одарила его грозным чувством и осветила всю его жизнь и творчество светом высокой любви и великих страданий.

Голосами.

— Да, с Богом! Свобода, новая жизнь, воскрешение из мертвых. Знак славной минуты!

Поздно остались стены Омского каторжного острова. Четыре страшных года провел там Федор Михайлович Достоевский, и они, эти трудные годы, еще не раз будут возвращаться к нему кошмарными снами и видениями.

«Что за ужасное было время. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела, как камень, у меня на душе. Во все четыре года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге».

За что же Федор Михайлович отбывал каторгу? Какое такое тяжкое преступление совершил он, чтобы денно и нощно четыре с лишним года ощущать тяжесть кандалов?

Вот несколько документов, относящихся к тому трагическому 1849 году.

Секретное предписание III отделения об аресте Ф. М. Достоевского.

СЕКРЕТНО

III отделение собственной его императорского величия канцелярии 1 экспедиции Санкт-Петербург 22 апреля 1849 г.

№ 675

Господину майору Санктпетербургского жандармского дивизиона Чудинову.

По высочайшему повелению предписываю вашему высокоблагородию, завтра в 4 часа полуночи, арестовать отставного инженер-поручика и литератора Ф. М. Достоевского, живущего на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта в доме Шиля, в 3-м этаже, в квартире Бремера, опечатать все его бумаги и книги и сные, вместе с Достоевским, доставить в 3-е отделение собственной его императорского величества канцелярии.

При сем случае вы должны строго наблюдать, чтобы из бумаг Достоевского ничего не было скрыто. Случиться может, что вы найдете у Достоевского большое количество бумаг и книг, так что будет невозможно доставить в 3-е отделение; в таком случае вы обязаны и то, и другое сложить в одной или двух комнатах, смотря как укажет необходимость, и комнаты те запечатать, а самого Достоевского немедленно представить в 3-е отделение.

Если же при опечатании бумаг Достоевского будет указывать, что некоторые из них принадлежат другому какому-либо лицу, то не обращать на такое указание внимания и сные так же опечатать.

При возлагаемом на вас поручении вы обязаны употребить насторожайшую бдительность и осторожность под лично ваше ответственность.

Господин начальник Штаба корпуса жандармов генерал-лейтенант Рубель сделает распоряжение, чтобы при вас находились офицеры Санктпетербургской полиции и необходимое количество жандармов.

Генерал-адъютант граф ОРЛОВ.

Потом была одиночная камера одинногого равелина Петропавловской крепости. Это было самое страшное место, самой грозной политической тюрьмы. Оно предназначено было для важнейших государственных преступников.

Здесь в 1718 году погиб царевич Алексей. Сюда заключили (самозванку) княжну Тараканову. Отсюда проследовали в Сибирь Радищев. В казематах Алексеевского равелина томились перед казнью Рылеев, Пестель, Каходский, Волконский, Трубецкой. Теперь здесь были погибшие.

Здание «секретной» темницы отдельено от остальной площади острова неприступными стенами и глубоким каналом. Только по мосту, переброшенном через канал, можно достигнуть единственного входа в равелин. Узники этой цитадели утрачивали имя и фамилию, получая взамен номер своей камеры.

Заживо погребенный в этих застенках, Достоевский не падает духом и находит

на Семёновский плац

ПРИГОВОР (ВОЕННО-СУДЕБНОЙ

КОМИССИИ)

Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяца сего года из Москвы от дворянки Плещеевой (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в собраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского, и, наконец, передал его для списания колпаку подсудимому Момбелли.

Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить на основании Свода военных постановлений чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстреливанием».

ОНИ увидели черный эшафот на освещительно белой снежной поляне, прямоугольник пеших и конных войск. Вот отдает последние распоряжения главного распорядителя казни генерал-адъютант Сумароков.

Звучит команда «строить в шеренгу».

Осужденные вытягиваются в цепочку и к ним направляется священник. Затем во главе процессии петрашевцев он идет к месту казни. По обледеневшим ступенькам лестницы они поднимаются на эшафот. Солдаты берут ружье на «карабу».

Аудитор зачитывает приговор, последняя проповедь священника. На осужденных набрасывают саваны с остроконечными капюшонами. Распорядитель казни выкрикивает по три фамилии.

И вот уже Петрашевский, Момбелли и Григорьев привязаны к столбам.

«Вызываю по трое, — писал в тот же день Достоевский брату, — следовательно, я был во второй очереди, и жить мне осталось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех троих... Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними».

Плещеев и Дуров стояли во втором ряду за Достоевским и на эшафот должны были подняться вместе с ним.

В Сибирь, вспомина эту минуту, Достоевский говорил, что ничего не знал о предстоящем помиловании и вполне подготовился к смерти: «Вся жизнь пронеслась в уме, как в калейдоскопе, быстро, как молния, и картиною».

Надвинуты колпаки на первых трех петрашевцев, привязанных к столбам, подняты шестнадцать ружей, взявшим на прицел осужденных, еще секунда и раздастся залп. Но в последнюю минуту на Семёновский плац галопом влетает адъютант и вручает генералу Сумарокову пакет.

Николай I отменяет смертный приговор и дарует петрашевцам жизнь, определив им другое наказание.

В последнем пункте «Определения генерал-адъютора о Ф. М. Достоевском» говорится: «Отставного поручика Достоевского за участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и за покушение вместе с прочими в распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на 8 лет».

Резолюция Николая I: «На 4 года и потом рядовым».

[Продолжение читайте в следующую субботу].